

Мо Хань долго смотрел на парившего в вышине наставника. Наконец, нахмурившись, он медленно произнес:

— Едва я покинул затворничество, как до меня дошли эти слухи. Сначала я счел их досужими сплетнями бездельников, но теперь вижу: ваши поступки, учитель, и впрямь не поддаются объяснению.

Взглянув на встревоженного старшего ученика, Тяньцин-цзы покачал головой. Он плавно опустился из облаков и шагнул к юноше.

— Хань-эр, — мягко, но весомо заговорил он, — слышал ли ты о явлении бессмертного артефакта, что случилось недавно?

— Узнал сразу, как вышел, — кивнул Мо Хань. — Жаль, что в то время я пребывал в уединении, иначе непременно сопровождал бы вас.

Тяньцин-цзы вздохнул и предостерегающе махнул рукой:

— То, что тебя не было рядом, даже к лучшему. Сражение выдалось неописуемо жестоким. Каждая школа лишилась лучших своих преемников — погиб едва ли не каждый второй. И праведные ордены, и демонические отродья понесли сокрушительный урон. Боюсь, теперь миру совершенствующихся понадобятся десятилетия, чтобы оправиться и восстановить силы.

Мо Хань выслушал наставника без тени облегчения, напротив, его лицо сделалось еще мрачнее. Будучи мечником и старшим учеником Ордена Великого Небытия, он верил, что путь меча требует неуклонно идти вперед — лучше сломаться, чем согнуться. Разве подобает истинному воину малодушно радоваться тому, что он избежал опасности?

Однако, не желая перечить учителю, он лишь сжал губы и глухо спросил:

— Если наш орден понес столь тяжкие потери, почему же тогда вы привели с собой чужака?

— Чужака? — На губах Тяньцин-цзы наконец промелькнула улыбка. Он обернулся к Мо Ханю.

— Хань-эр, знал бы ты, что этот человек — мое величайшее обретение в нынешнем походе.

Старейшина шагнул ближе и благодушно похлопал ученика по плечу:

— Твое понимание пути меча всегда отличалось редкой глубиной. Учитывая особое происхождение гостя, я намерен вверить его заботам именно тебя. Тебе предстоит присматривать за ним и общаться с ним.

— Что?.. — Мо Хань изумленно вскинул брови.

Пик Достигающий Облаков

В покоях главы ордена на главном Пике Достигающем Облаков царила тишина.

Бай Цзыюй ущипнул себя за палец, чтобы унять легкую дрожь возбуждения. Осторожно и бережно он закрепил сандаловую даосскую корону на волосах Цю Чэньчжи, продев сквозь нее заколку из белого нефрита с узором облаков, и наконец с облегчением выдохнул.

— Поглядите, даос, — с улыбкой произнес он. — Хорошо ли получилось?

Юноша повел пальцем в воздухе, призывая Зеркало Таинственного Света. Оно зависло прямо перед Цю Чэньчжи, позволяя оценить аккуратность убранства.

Гладкая светящаяся поверхность замерла в пустоте. Из зеркальной глубины смотрел статный, безупречно сложенный мужчина в белоснежном халате и даосском уборе. Облик его дышал неземным величием и отрешенной чистотой. Черты лица оставались точь-в-точь как у самого Цю Чэньчжи до перемещения в этот мир, вот только волосы отрасли до самого пояса, ниспадая густым темным шелком, а от его фигуры теперь исходила какая-то неуловимая, почти мистическая аура.

Разглядывая свое четкое до мельчайших деталей отражение, Цю Чэньчжи мысленно вздохнул.

«То-то я обыскал весь дом и не нашел ни одного зеркала. Думал еще, что глава ордена в силу почтенных лет не жалуется самолюбию. А оно вон как: вам, бессмертным, обычные стекла без надобности — даже умываетесь, небось, с помощью заклинаний. До чего же вычурный народ!»

Заметив молчание гостя, Бай Цзыюй встревожился, решив, что угодить не удалось.

— Даос... вам не по нраву? — робко спросил он.

Мальчишка заискивающе заглядывал ему в глаза, напоминая преданного щенка, который замер в ожидании ласки или доброго слова. Среди строптивых и ершистых подростков такие послушные дети встречались нечасто. Сердце Цю Чэньчжи невольно оттаяло, и он произнес свои первые слова с момента перемещения:

— Благодарю.

От долгого молчания его голос прозвучал чуть хрипло, но в нем все равно ощущалась прохлада чистейшего снега. Звук напоминал журчание горного ручья, бегущего по гладким камням.

Услышав ответ, Бай Цзыюй расплылся в счастливой улыбке. Сдерживаемое доселе любопытство вспыхнуло в нем неудержимым пожаром, и вопросы посыпались один за другим:

— Меня зовут Бай Цзыюй, а как величать вас, уважаемый даос? В каких вы отношениях с нашим главой? И почему он перенес вас в орден? Отчего вы лежали без чувств эти дни, неужто были ранены? Как сейчас ваше самочувствие? Откуда вы родом? Сколько вам весен?..

От этого лавинообразного расспроса у Цю Чэньчжи закружилась голова. Он поощрял паренька лишь ради того, чтобы выведать хоть какие-то крохи сведений об этом чуждом мире, но никак не ожидал встретить столь несносного болтуна. Этот простодушный юноша оказался на редкость привязчивым и говорливым.

Цю Чэньчжи мягко положил ладонь ему на плечо и негромко, но властно велел:

— Помолчи.

Бай Цзыюй тут же прикусил язык, боясь разгневать таинственного гостя. Тишина длилась недолго. Лицо мальчика внезапно исказилось испугом, и он пробормотал:

— Ой, лихо... Как же я заболтался! Наставник вот-вот воротится, мне пора уходить. — Он замялся, с явной неохотой поглядывая на Цю Чэньчжи.

Договорить он не успел — снаружи раздался яростный, громоподобный клич:

— Выходи навстречу смерти, треклятый демон, совращающий чужие души!

Цю Чэньчжи нахмурился, не понимая, что происходит, а Бай Цзыюй побледнел и потрясенно выдохнул:

— Третий старший брат?

Голос определенно принадлежал Ду Цзиню.

«Да он с ума сошел! Это же личные покои самого главы ордена! Навещать это место строго-настрого запрещено всем без исключения. Как он посмел явиться сюда и устраивать бесчинства?»

«Неужели кто-то нарочно раздул его гнев?..»

При этой мысли у Бай Цзыюя похолодело внутри. Бросив тревожный взгляд на Цю Чэньчжи, он стиснул рукоять верного клинка и опрометью бросился к выходу.

Цю Чэньчжи задумчиво посмотрел ему вслед. Доносящаяся с улицы брань явно предназначалась ему, чужаку, но почему-то юноша перепугался куда сильнее.

«Очевидно, незванный гость пришел по мою душу. Но отчего этот малец дрожит так, будто беда грозит ему самому?»

Оказавшись на крыльце, Бай Цзыюй вскинул голову и сразу увидел зависшего в небе яростного, растрепанного рыжеволосого мужчину. Рядом с ним на своих парящих мечах кружили несколько хорошо знакомых учеников внешнего круга, создавая видимость внушительной поддержки. Это действительно был третий старший брат, Ду Цзин, в окружении прихлебателей, всегда готовых угождать сильным ради собственной выгоды.

Лицо Бай Цзыюя потемнело от досады. Покрепче перехватив ножны, он звонко крикнул:

— Третий старший брат!

Ду Цзин не ожидал увидеть здесь младшего соученика и на мгновение растерялся:

— Младший брат? Какими судьбами ты в покоях учителя?

— Это я должен спросить, зачем ты явился сюда и почему кричишь у самого порога наставника! — уклонился от прямого ответа Цзыюй, ловко переведя удар на противника.

Уловка сработала — лицо Ду Цзина вновь исказилось гневом. Короткие огненно-рыжие пряди дико развевались по ветру, сам он напоминал готовую взорваться бочку с порохом.

— Недавно, когда явился бессмертный артефакт, лучшие воины нашего ордена отправились в поход и погибли там! Так отчего же мы не видим этого сокровища, зато глава притащил в дом безродного еретика?! Этот мерзавец наверняка владеет черным колдовством и одурманил разум нашего учителя! Он не праведный совершенствующийся и не невинная овечка! Если мы позволим ему остаться здесь и плести свои интриги вокруг главы, как мы станем смотреть в глаза погибшим собратьям?! — Ду Цзин яростно заскрежетал зубами.

Бай Цзыюй лишь мысленно вздохнул. Ему казалось, что он бьется головой о каменную стену. Конечно, взрывной нрав и упрямство Ду Цзина давно были известны всему Ордену Великого Небытия, но дойти до такого ослепления — это превосходило любые ожидания.

Бай Цзыюй полоснул взглядом по зачинщикам за его спиной. Те мгновенно стушевались и испуганно отпрянули назад, не желая попадать под горячую руку. Сомнений не оставалось: простодушного и вспыльчивого Ду Цзина нагло использовали в чужой игре.

Гость, привезенный главой, явно как-то связан со священным оружием, однако старейшина Тяньцин держит его взаперти и хранит молчание. Наверняка кое-кому из почтенных

старейшин не терпится разузнать правду. Обычные ученики не посмели бы перешагнуть порог запретной зоны. Лишь любимые личные преемники главы могли пойти на такой риск. Вспыльчивый Ду Цзин подходил на роль тарана как никто другой. Оставалось лишь гадать, кто именно из старших дергал за ниточки за его спиной.

Обычно покладистый и веселый Бай Цзыюй почувствовал, как в его груди закипает злость. Неужто старейшины возомнили, что личными учениками Пика Достигающего Облаков можно вертеть как заблагорассудится?!

— Третий старший брат! — Он в упор посмотрел на разъяренного мужчину и звонко выкрикнул: — Я только что говорил с этим человеком! У него открытый взор и чистая душа, его благородство и помыслы видны сразу. Он не имеет ничего общего с коварными прихвостнями тьмы! Уйми свой пыл, брат, не то наставник воротится, увидит нас за этой непотребной ссорой — и нам обоим несдобровать!

Однако эти искренние уговоры лишь подлили масла в огонь.

— Ты едва взглянул на него, а уже готов грудью защищать чужака и перечить родному брату! — взревел Ду Цзин. — И после этого ты утверждаешь, будто он не одурманил тебя?! Скажи мне, малец! Среди тех доблестных воинов, кто пал на поле брани ради блага Ордена Великого Небытия, была наша вторая старшая сестра! Она отдала жизнь за орден, а взамен учитель тащит к нам это отродье? Душа сестры проклянет нас, если мы допустим подобное святотатство!

Рыжеволосый совершенствующийся кричал во весь голос, и при упоминании сестры его крик перешел в отчаянный хрип.

Бай Цзыюй осекся, и пыл его угас. Склонив голову, он тихо проронил:

— Знаю... Я всё знаю...

В недавний поход не смогли пойти ни старший брат Мо Хань, пребывавший в медитации, ни сам Цзыюй из-за юного возраста и нехватки опыта. Старейшина Тяньцин взял с собой их вторую сестру, Ду Мин, и цвет молодого поколения ордена. Ду Цзиня же оставили приглядывать за обителью вместе со старейшинами. В итоге Ду Мин погибла. Она приходилась Ду Цзиню родной сестрой, и эта утрата выжгла в его душе незаживающую рану, заполнив ее слепой ненавистью. Более того, его любимый преемник тоже сложил голову в той резне — Кровавый Демон-Предок безжалостно снес ему голову одним ударом клинка.

Потеря близких едва не лишила Ду Цзиня рассудка. Безумный гнев требовал выхода, и стоило кому-то шепнуть ему пару коварных слов, как вся его злоба обратилась против спасенного чужака.

Смерть сестры ранила и сердце младшего брата, но сейчас он видел, что Ду Цзин теряет

контроль над собой и совершает непоправимую глупость.

— Брат, опомнись! — взмолился Цзыюй, загораживая дорогу. — Тебя нагло обвели вокруг пальца! Если натворишь здесь дел, наставник покарает тебя со всей строгостью!

— Прочь с дороги!

Вид обнаженного клинка в руках младшего окончательно ослепил Ду Цзиня. Посчитав это неопровержимым доказательством вражеского внушения, он со свистом выхватил Саблю Огненного Узора. Оружие вспыхнуло яростным пламенем, и воин огненным метеором ринулся на соученика. Одержимый бешенством, он нападал в полную силу, не щадя жизни юноши.

Молодой мечник уступал противнику в силе и опыте. От мощного удара его отбросило назад. Не успев уклониться, Цзыюй проломил спиной тонкую деревянную перегородку храма, и к его горлу подкатил соленый ком крови.

Натиск совершенствующихся сокрушил хрупкое здание. Опорный столб с хрустом надломился, крыша частично просела, засыпая все вокруг черепицей и обломками балок. В воздухе повисла густая серая пелена, скрывая сражающихся.

Ду Цзин не думал останавливаться. Словно поддавшись демону внутреннего затмения, он занес клинок для сокрушительного удара, готовый испепелить и дерзкого юношу, и прячущегося в покоях чужака.

В это роковое мгновение сквозь грохот обрушения до ушей задыхающегося Цзыюя донесся едва слышный шелест извлекаемой из ножен стали. Чья-то сильная рука рывком увлекла его в сторону, уводя с линии смертоносного выпада.

Откашливаясь кровью, юноша сквозь пелену слез увидел, как прямо на него опускается пылающее лезвие огненной сабли. Вдруг перед ним промелькнула тончайшая нить серебристого сияния. Она бесшумно скользнула навстречу огню, и в следующее мгновение на лицо Цзыюя брызнули горячие, пахнущие железом капли.

Когда завеса пыли осела, он потрясенно замер.

Перед ним высилась статная фигура в белоснежном одеянии. Гость стоял спокойно и величаво, точно белый журавль, спустившийся из надзвездных высей, а вся эта суэта казалась ему не более чем дорожной пылью. Его теплая ладонь мягко покоилась на плече Цзыюя, даруя безмолвную поддержку.

В другой руке незнакомец сжимал тонкий клинок, сияющий чистотой осенней воды. Его острие без труда перерубило тяжелую Саблю Огненного Узора и вонзилось глубоко в грудь Ду Цзиня. Отсеченный обломок грозного оружия сиротливо валялся в грязи бесполезным куском

железа.

Бай Цзыюй ошеломленно молчал, не веря собственным глазам.

Ду Цзин повалился навзничь, тщетно пытаясь разглядеть противника сквозь растрепанные пряди. Из его открытого рта хлынул поток темной крови, заглушая любые слова.

— Что здесь творится?! Кто посмел осквернить это святилище?!

Раскатистый властный голос разорвал повисшее молчание. Все трое синхронно вскинули взоры. С небес, сияя грозовым гневом, стремительно спускался глава ордена Тяньцин-цзы.

Но прежде чем наставник успел призвать виновных к ответу, следовавший за ним Мо Хань выступил вперед. Глаза молодого мечника горели неистовым восторгом, когда он жадно спросил:

— Чей клинок породил эту великую песнь меча?!

В его обычно бесстрастном голосе звенело трепетное, необоримое предвкушение.

<http://bllate.org/book/20750/2106182>